

УДК 17.03
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119
EDN: DEHJSF

С. КАН

Университет Индианы-Пердью
в Индианаполисе,
Индианаполис, США

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

КАНТ И ВАГОНЕТКА

В статье исследуется вопрос применимости этики Канта, которая запрещает относиться к людям как простым средствам, в решениях различных сценариев Вагонетки. На основе различия между понятиями 'относиться как к простому средству' и 'обращаться как с простым средством' реконструируются точные требования Кантовского запрета.

Ключевые слова: Кант, проблема вагонетки, деонтология, Кантовский запрет, формула человечности, категорический императив.

Знаменитая проблема Томсон под названием 'Вагонетка' включает в себя два мысленных эксперимента:

Вагонетка: Вагонетка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вагонетку нельзя остановить, но вы можете перевести стрелку, чтобы она перешла на другой путь. Если вагонетка окажется на нем, она задавит одного человека, который там находится и не имеет возможности спастись (рис. 1). Вопрос в том, следует ли / можно ли перевести стрелку?

Толстяк: Вагонетка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вы стоите на мосту, который проходит над рельсами, и рядом с вами стоит Толстяк. Толкнув его, вы можете сбросить Толстяка на рельсы. Толстяк умрет, но его тело не даст вагонетке задавить пятерых людей на рельсах (рис. 2). Вопрос в том, следует ли / можно ли столкнуть Толстяка¹?

Томсон отмечает, что в сценарии *Вагонетки* большинство людей разделяют интуицию о том, что дозволительно переключить стрелку, тогда как в сценарии с *Толстяком*, напротив, скорее поддерживают интуицию о том, что толкать его на рельсы было бы чем-то недозволительным². Проблема в том, чтобы дать основанное на принципах объяснение этим наблюдаемым расхождениям в интуициях: почему в первом сценарии дозволительно спасти пятерых, убив одного, а во втором — нет?

Основная цель Томсон заключалась в том, чтобы показать, что расхождение в интуициях нельзя объяснить с помощью принципа 'убить всегда хуже, чем позволить умереть'³. Но она также стремилась показать и то, что его нельзя объяснить с помощью принципа Канта, запрещающего относиться к людям как простым средствам (далее — Кантовский запрет). Для достижения этой цели Томсон придумала третий вариант эксперимента, который представляет собой незначительную модификацию *Вагонетки*:

Петля: Тележка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вагонетку нельзя остановить, но вы можете перевести стрелку, чтобы она перешла на другой путь. Он является обьездным кольцом, которое возвращает вагонетку обратно на путь, где находятся пятеро человек. Однако, если вагонетка окажется на обьездном кольце, она задавит одного человека, который там находится и не имеет возможности спастись, и его тело помешает вагонетке вернуться на первый путь и задавить пятерых (рис. 3)⁴. Вопрос в том, следует ли / можно ли перевести стрелку?

Томсон полагает, что перевод стрелки в *Вагонетке* дозволителен, только если дозволителен перевод стрелки в *Петле*: «...мы не можем предположить, что наличие или отсутствие этого дополнительного отрезка пути имеет большое моральное значение для того, что агент может делать в подобных случаях» [2, р. 1403]. Но в *Петле* тот, кого сбивает вагонетка, необходим для спасения пятерых не меньше, чем в сценарии с *Толстяком*: «агенту [в примере

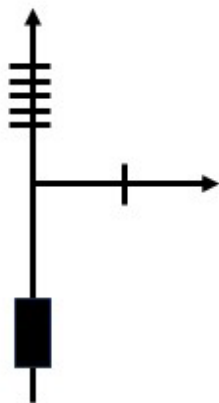

Рис. 1. Вагонетка

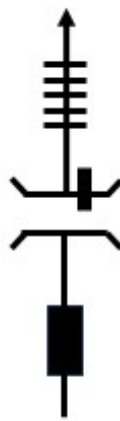

Рис. 2. Толстяк

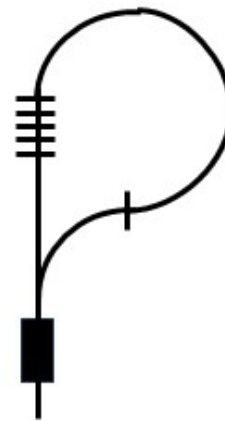

Рис. 3. Петля

Петли] нужен один (толстый) рабочий на объездном кольце, если он желает спасти пятерых» [2, р. 1403]. В итоге получается, что сценарий с *Толстяком* предполагает обращение с кем-то просто как со средством, только если это предполагает *Петлю*, из чего следует, что Кантианский запрет не работает (поскольку в сценарии с *Толстяком* нежелательно его сталкивать на рельсы, тогда как в сценарии *Петли* допустимо перевести стрелку). Томсон пишет: «Кажется, не существует правдоподобного объяснения того, что вовлечено или что необходимо для такого применения понятий 'обращаться с человеком только как со средством', или 'использовать одного, чтобы спасти пятерых', при котором считалось бы, что один агент это делает [в сценарии с *Толстяком*], тогда как другой — нет [в сценарии *Петли*]» [2, р. 1403]. Более того, Томсон отнюдь не одинока в своей негативной оценке Кантианского запрета, полученной на основе анализа проблемы 'Вагонетки'. Например, Фридман, подобно Томсон, тоже приходит к выводу, что в *Петле*, как и в сценарии с *Толстяком*, «нужен еще кто-то в качестве средства спасения пятерых. Так что Кантианское решение, по всей видимости, не работает» [5, р. 164].

Тем не менее такая оценка в целом ошибочна и не имеет под собой никаких оснований, что и призвана продемонстрировать данная статья. Она состоит из трех разделов. В первом разделе я представляю Кантианский запрет на использование человека в качестве простого средства. Во втором объясню, в каком месте 'Вагонетка' попадает на неправильный путь. Здесь я привлекаю недавний оригинальный вклад Клейнфельд в Кантианское решение проблемы 'Вагонетки'. В третьем разделе я представляю краткий набросок ряда важных деталей, необходимых для Кантианского решения проблемы 'Вагонетки'.

1. Кантианский запрет. Кант открывает I раздел своих *Основоположений метафизики нравов* знаменитым утверждением: «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только *доброй воли*» [6, с. 161]. Оно часто считается краеугольным для этики Канта, в частности, и для деонтологической этики в целом. Ключевая идея этого утверждения заключается в том, что, если добрая воля — единственное добро без ограничений, тогда объективное благо всегда обусловлено доброй волей. Добрая воля понимается

в терминах принципов или максим. Следовательно, чтобы определить деонтический статус действия, необходимо оценить принципы, на которых оно совершается, а не последствия его совершения или воплощаемые им добродетели.

Кант предоставляет нам ряд инструментов, позволяющих отличить хорошие принципы от плохих. Наиболее важным из них для наших целей будет так называемая Формула Человечности (ФЧ) в виде Категорического Императива (КИ). ФЧ основывается на различии между двумя разными видами ценностей: ценой и достоинством⁵. Цена является чем-то внешним, суммируемым и сравнительным, тогда как достоинство — внутренним, не суммируемым и не сравнительным. Объекты нашей склонности имеют цену, тогда как разумные существа обладают достоинством, и именно поэтому рациональная природа существует как самоцель. Исходя из этого, Кант утверждает ФЧ: «... *поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [6, с. 205].

Кантианский запрет, о котором шла речь выше во введении к данной статье, вытекает из последнего пункта ФЧ и может быть записан отдельно: никогда не относитесь к человечности, в своем лице или в лице всякого другого, просто как к средству. Между этим запретом и тем запретом, на который ссылается Томсон, есть два важных различия: (i) Томсон говорит об обращении как с простым средством, тогда как Кант говорит об отношении как к простому средству, и (ii) Томсон говорит о людях, тогда как Кант говорит о человечности в людях. Разумно предположить, что я мог бы обращаться с кем-то как со средством, не относясь к нему в качестве такового⁶. В свою очередь, если отношение к человечности людей является способом отношения к людям, то также разумно предположить, что существует больше способов отношения к людям, чем одно только отношение к их человечности. Это позволяет нам говорить о том, что запрет Томсон более широкий, чем запрет Канта. Чтобы обозначить это различие, я буду называть подлинный запрет, выраженный в ФЧ, 'Кантовским запретом', а запрет Томсон и остальные, похожие на него и также вдохновленные Кантом, — 'Кантианскими запретами'. Моя основная цель — представить защиту объяснительной роли Кантовского запрета. Хотя большая часть из того, что я буду гово-

ритель, применима не только к Кантовскому запрету, но и (вероятно) к Кантианским запретам.

2. Как вагонетка попадает на неправильный путь. Собственную защиту Кантовского запрета я хочу начать с рассмотрения альтернативной защиты, недавно предложенной Клейнгельд. В работе *Кантианское решение проблемы Вагонетки* она выстраивает новую концепцию того, что значит относиться к кому-то просто как к средству: «... агент относится к другому человеку 'просто как к средству' тогда и только тогда, когда (1) агент *относится* к человеку *как к средству*, пригодному лишь для реализации целей агента, (2) без учета того, чтобы, отдавая должное моральным принципам, это отношение имело своим *условием согласие* человека, (3) где под требуемым согласием понимается *фактическое* искреннее согласие быть использованным агентом определенным образом в качестве средства достижения цели агента» [7, р. 210]. Клейнгельд утверждает, что в сценарии Вагонетки перевести вагонетку на другой путь не значит отнестись к человеку, который там находится, как к средству, а *fortiori* здесь этот человек не используется просто как средство. В сценарии же с *Толстяком*, Клейнгельд, напротив, считает, что Толстяк обязательно используется как средство для остановки вагонетки, и такое его использование обязательно имеет условием его фактическое согласие, из чего следует, что Толстяк там обязательно используется просто как средство. Это позволяет нам применить Кантовский запрет для объяснения расхождения наших интуиций в проблеме 'Вагонетки'. Но защита Клейнгельд должна также справляться и со сценарием *Петли*.

Клейнгельд настаивает на том, что *Петля* имеет общие черты как с *Вагонеткой*, так и с *Толстяком*. Из-за этого сценарий *Петли* допускает альтернативные толкования: один агент может принять недозволенную максиму «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, даже если это требует отношения к другим людям как к средству достижения данной цели без их фактического согласия», тогда как другой агент может принять дозволенную максиму «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, при условии, что я не буду никого использовать как средство достижения данной цели без его на то фактического согласия» [7, р. 218–220]. Релевантность различия в сценариях с *Толстяком* и *Петлей* обосновывается путем апелляции к двум посылкам о той разнице, которая существует между действиями и максимами: (1') Морально дозволенное действие остается дозволенным даже в том случае, если оно совершено на основании принципа морально недозволенного действия; и (2') если действие может быть совершено только на основании морально недозволенных принципов действия, то такое действие является недозволенным [7, р. 223]. Из этих двух посылок следует, что, поскольку сталкивание человека на рельсы в сценарии с *Толстяком* обязательно нарушает Кантовский запрет, данное действие является недозволенным. Но из них также следует, что перевод стрелки в *Петле* не обязательно нарушает Кантовский запрет, а значит, действие может быть дозволенным, даже если оно совершается на основании недозволенной максимы. В итоге получается, что Кантовский запрет оправдан: он может обосновать морально релевантное различие между *Толстяком* и *Петлей*.

В отношении предложенного Клейнгельд аргумента я бы хотел сказать три вещи. Во-первых, я

думаю, что ее интерпретация того, что значит использовать кого-то просто как средство, проблематична. Рассмотрим, в частности, пункты (2) и (3) ее интерпретации, которые в совокупности я буду называть 'фактическим условием согласия'. Основное текстуальное свидетельство в пользу фактического условия согласия Клейнгельд взято из примера, который Кант приводит в *Основоположениях метафизики нравов*. Кант указывает, что недозволительно давать кому-то лживое обещание ради того, чтобы получить наличные деньги, «ведь тот, кем я хочу пользоваться для своих целей посредством такого обещания, никак не может согласиться с моим образом действий по отношению к нему и, следовательно, сам содержать в себе цель этого поступка» [6, с. 206]. В этом отрывке говорится о том, что, если X относится к Y как к средству достижения своей цели, а Y не может дать на это согласие, этого достаточно, чтобы считать, что X использует Y как простое средство. Однако предоставить кому-то возможность дать согласие — условие значительно более слабое, чем получение его фактического согласия. Поэтому апелляция Канта к возможному согласию не является обоснованием условия фактического согласия Клейнгельд. Хотя Клейнгельд считает, что указание Канта относительно того, в чем содержится цель чье-либо действия, следует интерпретировать в терминах фактического согласия: агент содержит в себе самом цель действия тогда и только тогда, когда он дает фактическое согласие на данное действие [8, р. 402].

Тем не менее сам Кант не объясняет понятие 'содержать цель действия' в терминах фактического согласия (он вообще его никак не объясняет), и (при всем уважении к Клейнгельд) эти два понятия не кажутся эквивалентными. Чтобы понять, почему они не эквивалентны, нужно обратить внимание на то, что, с одной стороны, я могу содержать цели своих собственных действий без фактического согласия на них, и это предполагает, что фактическое согласие не является необходимым для агента, чтобы он мог содержать цель действия; с другой стороны, я могу дать фактическое согласие быть использованным просто как средство, а значит, фактическое согласие не является достаточным для агента, чтобы содержать в себе цель действия. На этом втором пункте (а именно: что я могу согласиться быть использованным просто как средство) следует сделать особый акцент, поскольку сама Клейнгельд вполне допускает, что такое возможно. Клейнгельд считает, что согласие быть использованным как простое средство морально недозволительно: «Например, вы не должны соглашаться на то, чтобы вас использовали в качестве сообщника в какой-то афере, так же как не должны соглашаться на продажу себя в рабство. Поэтому существует набор нормативных условий, которым обязан соответствовать всякий, кого просят послужить средством» [8, р. 404].

Но такое допущение кажется мне фатальным: ведь, независимо от того, должен ли я фактически не соглашаться быть использованным как простое средство (потому что сделать так — означало бы проявить неуважение к себе), сам факт того, что я могу дать фактическое согласие на это, немедленно влечет за собой то, что один агент может использовать другого как простое средство, даже несмотря на то, что «отдавая должное моральным принципам, это отношение имело своим *условием согласие* человека» [7, р. 210].

Однако, даже если не принимать во внимание эти проблемы с предложенной Клейнгельд защитой Кантовского запрета, второе, что я хотел бы сказать о ее подходе, — это то, что как ответ Томсон он крайне сомнителен. Причина этого в самих максимах, которые Клейнгельд рассматривает. Как отмечалось выше, в сценарии *Петли* она принимает две максимы: «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, даже если это требует отношения к другим людям как к средству достижения данной цели без их фактического согласия» и «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, при условии, что я не буду никого использовать как средство достижения данной цели без его на то фактического согласия» [7, р. 218–220]. Но ведь подход Томсон, по сути, состоит в том, что вторая максима применима в сценарии *Петли* тогда и только тогда, когда она применима в сценарии с *Толстяком*, и Клейнгельд не дает правдоподобного объяснения того, почему точка зрения Томсон ошибочна. Правдоподобное решение проблемы ‘Вагонетки’ не должно включать в себя нормативно нагруженные максимы.

Третья проблема с защитой Клейнгельд, я думаю, является наиболее важной для наших целей. Она связана с тем, как Клейнгельд проводит различие между действиями и максимами (в приведенной выше цитате с двумя посылками (1') и (2')).

Различение действия и максимы Клейнгельд, по всей видимости, лежит на заднем плане замечаний Томсон и является общепринятым в Кантианской этике. Например, согласно Погге, «поступок⁸ будет неправильным (противоречащим долгу) только в том случае, если всякая максима, на основании которой он может быть совершен, недозволительна» [9, р. 55]. Нихольм предлагает формально эквивалентный подход, выраженный им в терминах дозволенности: поступок дозволителен тогда и только тогда, когда он может быть выполнен на основании дозволенной максимы [10, р. 287]. Проблема, однако, в том, что эти подходы делают категорию недозволительного неприменимой на практике. Существует бесконечное множество максим, на основании которых любое данное действие может быть выполнено, и поскольку ни один человек не в состоянии оценить бесконечное множество максим, у нас не было бы способа определить, является ли какое-то действие недозволительным. Тем самым, если принять подход Клейнгельд на различие между действиями и максимами, станет невозможным определить, является ли действие по stalkingванию человека на рельсы недозволительным в *Толстяке* или нет, что подрывает ее собственную позицию в этом сценарии, а значит, и попытку представить успешную защиту объяснительной роли Кантовского запрета в решении проблемы ‘Вагонетки’⁹.

Несмотря на общепринятость различения действий и максим в Кантианской этике, сам Кант его не принимает. Кант считает, что поступки и максимы не могут быть отделены друг от друга; поступок недозволителен тогда и только тогда, когда он совершается на основании недозволительной максимы. Это становится очевидным, если мы рассмотрим другие версии КИ, например, так называемую Формулу Всеобщего Закона (ФВЗ): «*поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» [6, с. 195]. ФВЗ абсолютно недвусмысленно утверждает, что поступок оценивается на основе конкретной максимы, кото-

рую он реализует. Другими словами, ФВЗ указывает нам, что действие недозволительно, если оно совершается на основании максимы, которую нельзя пожелать одновременно с универсальным законом. В ФЧ, где термин ‘максима’ отсутствует, это не столь очевидно. Однако уловить смысл ФЧ, опираясь на общие экзегетические соображения, особенно когда мы берем ее в контексте, нам будет довольно сложно, если только мы не трактуем ее аналогичным образом. В этом случае Кантовский запрет должен говорить нам, что действие недозволительно, если оно совершается на основании максимы, которая предполагает отношение к человечности какого-либо человека как к простому средству; в противном случае данный запрет было бы трудно согласовать с приведенным выше в разделе 1 утверждением Канта о ценности доброй воли.

Доказательства в пользу представления о том, что максимы и поступки не могут быть отделены друг от друга, есть не только в *Основположениях метафизики нравов*, но и во второй части *Метафизики нравов*, в учении Канта о добродетели. Там Кант выводит, в большинстве случаев из ФЧ, всякого рода общие обязательства, включая запреты на такие вещи, как самоубийство и осквернение себя похотью. И, что особенно важно для наших целей, сразу же после изложения этих обязательств он формулирует казуистические вопросы. Например, утверждая, что самоубийство в целом недозволительно, Кант спрашивает: «Позволительно ли предупреждать несправедливый смертный приговор своего повелителя самоубийством?» [11, с. 465–467]. Причина, по которой это важно, заключается в том, что Кант, по всей видимости, считает ответы на казуистические вопросы на самом деле открытыми, несмотря на тот факт, что он сам только что утверждал недозволительность рассматриваемых действий. Это предполагает, во-первых, что недозволительное действие может быть совершено на основании дозволенной максимы и, во-вторых, что мы можем знать, что действие недозволительно, не зная, дозволительна ли всякая максима, на основании которой оно может быть совершено. Но что именно он имеет в виду?

Если кратко, Кант оперирует трехчастным делением на поступки, типы действий и максимы. Как мы уже видели, поступки индивидуализируются и оцениваются по максимами, на основании которых они совершаются (следует определить, можно ли пожелать эти максимы одновременно с универсальным законом, либо предполагают ли они обращение с человечностью в человеке как целью, и никогда просто как со средством). Типы действий, напротив, оцениваются путем обобщения максим, на основании которых совершаются поступки данного типа. Таким образом, тип действия дозволителен тогда и только тогда, когда поступки данного типа в целом дозволительны, а поступок дозволителен тогда и только тогда, когда он совершается на основании дозволенной максимы.

То, что деонтический статус типов действий определяется обобщениями, подразумевает, что недозволительный тип действия может совершаться на основании дозволенной максимы, из чего следует, что дозволильный тип действия может совершаться на основании недозволительной максимы. Однако, если имеет место первая ситуация, тогда поступок, совершаемый на основании дозволенной максимы, дозволителен сам по себе, даже несмотря на то, что он является поступком недозво-

тельного типа, и наоборот, если имеет место вторая ситуация. А это значит, что и Томсон, и Клейн-гельд — обе встали на неправильный путь.

3. Перевод стрелки. В предыдущем разделе мы отмечали, что этика Канта не оценивает типы действий напрямую: она оценивает поступки через призму воплощаемых ими максим, обобщая их затем до типов действий. Разумеется, существует бесконечное множество возможных поступков, реализующих тип действия 'переводить стрелку' в сценариях *Вагонетки* или *Петли* и 'толкать человека на рельсы' в сценарии с *Толстяком*, и, соответственно, бесконечное множество максим. Проблема в том, что нет никакого очевидного способа выяснить деонтический статус всех этих поступков. Этого нельзя сделать путем их простого перебора одного за другим, ведь, помимо того, что у нас нет фиксированного списка таких поступков или максим, на основании которых мы можем действовать в подобного рода сценариях, сам перебор занял бы бесконечное количество времени. Для работы с моральными свойствами максим нет никакой индуктивной схемы, вроде той, что применяется нами при доказательстве свойств натуральных чисел. Действительно, *prima facie* кажется неправдоподобным, что каждая из множества максим, на основании которых агент может совершать поступок, реализующий тип действия 'переводить стрелку', будет иметь один и тот же деонтический статус (то же самое можно сказать и о максимах поступков, реализующих тип действия 'толкать человека на рельсы').

Лучшее, что мы можем сделать, — это дать правдоподобные обобщения о человеческой природе, которые приведут нас к правдоподобным обобщениям о видах максим, принимаемых агентами в ситуациях, когда они переключают стрелку или толкают людей на рельсы. Затем мы должны сделать некоторые разумные обобщения о деонтических статусах этих видов максим. Но на этом работа не закончится: то же самое нам придется сделать с видами максим, принимаемыми агентами в ситуациях, когда они не переключают стрелку или не толкают людей на рельсы. В итоге может оказаться, что оба варианта действий в целом будут выполнимы на основании дозволенных максим, либо, напротив, — недозволенных. Однако пока ни один из философов не занимался подобной работой, а ведь без нее нельзя что-либо утверждать о деонтическом статусе действий, рассматриваемых в сценариях с *Вагонеткой*, *Толстяком* или *Петлей*¹⁰.

Конечно, кто-то может возразить против сделанного мной предположения, что применять Кантовский запрет для определения деонтического статуса того или иного типа действия можно лишь посредством обращения к эмпирической информации. Но ведь Кант сам говорит об этом в *Метафизике нравов*: «... мы часто должны будем брать в качестве объекта особую природу человека, которую можно познать только из опыта, дабы на этом примере показать последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов; однако это ничуть не умаляет чистоты этих принципов и не ставит под сомнение их априорное происхождение. — Таким образом, метафизика нравов не может основываться на антропологии, однако может быть применена к ней» [11, с. 238]. Согласно Канту, множество формулировок КИ дано *a priori* и познается чистым разумом. Однако, чтобы определить наши общие обязательства, мы должны применять априорные принципы в сочетании с полученными из опыта антропологи-

ческими знаниями. Эти знания нам необходимы для того, чтобы прийти к вспомогательным гипотезам, которые можно было бы использовать для вывода обязательств с помощью априорных моральных принципов.

Я не буду давать полное описание того, как Кантовский запрет применим к сценариям *Вагонетки*, *Толстяка* или *Петли*. Вместо этого я обрисую в общих чертах только два вида соображений, которые должны быть нами приняты во внимание.

Во-первых, необходимо учитывать общие способности агентов обрабатывать такие сценарии. Если большинство агентов будут паниковать или действовать на основе привычки либо импульса, тогда вопросы об общей (не)дозволительности действий в данных сценариях будут основываться на общей (не)дозволительности видов привычек и импульсов, основанных на максимах, насаждаемых теми, у кого они есть, в противовес тем, у кого их нет. Из этого можно сделать необычный вывод: в зависимости от общепринятых контингентных психологических тенденций, (не)дозволительность перевода стрелки или толкания людей на рельсы может иметь очень мало общего с максимами, которые непосредственно касаются каждого из этих действий. Это объясняется тем, что (1'') максима является большей посылкой в практическом силлогизме, ведущем к действию, и если агенты не способны обрабатывать проблемные сценарии достаточно быстро и рационально, послышки об этих действиях могут быть малыми послышками в силлогизме, и (2'') действие может быть и вовсе не основанным на максиме; оно может быть импульсом, возникающим в результате продолжительного культивирования основанных на максимах привычек. Например, если агенты, которые при прочих равных отказывались толкать людей на рельсы, делали бы это в результате культивирования максимы 'избегать прямого физического насилия', тогда как агенты, которые при прочих равных толкали людей на рельсы, делали бы это в результате культивирования максимы 'безразличия к внутренней ценности других', у нас имелись бы все основания полагать, что действие типа толкания людей на рельсы будет недозволенным¹¹.

Во-вторых, необходимо учитывать общие предположения, которые будут у агентов в такого рода сценариях, на предмет того, содержат ли они в себе цели спасения пятерых (если допустить, что спасение пятерых является той целью, которая должна быть у агентов в данных сценариях). Максимумы — это принципы действий агентов. Внешние описания действия как таковые не достаточны для определения его деонтического статуса. Например, предположим, что я гуляю в сумерках и решаю присесть на минутку на то, что я принял за бревно. Но на самом деле это бревно — человек в спальном мешке¹². Моя максима не приводит к использованию человечности данного человека как простого средства, даже если с внешней точки зрения очевидно, что мое действие не содержит его в качестве своей цели. Внешние описания полезны лишь постольку, поскольку они служат окном в максимы агента. Соответственно, вопрос о том, содержит ли на самом деле сценарий *Толстяка* цель действия агента, толкнувшего его на рельсы, менее важен, чем вопрос о том, верит ли сам агент (добросовестно и искренне) в то, что он его содержит. Если сценарии *Вагонетки* и *Петли* не приводят в действие отказ толкать людей на рельсы, о котором говорилось в предыдущем параграфе, и если большинство

агентов в таких сценариях будут считать, что сталкиваемые ими на рельсы люди содержатся в целях их действий (потому что верят, что те пожертвовали бы собой ради высшего блага, или во что-то в этом роде), тогда перевод стрелки в сценариях с *Вагонеткой* и *Петлей* может быть вполне дозволительно на основании Кантовского запрета.

Описанные мной два вида соображений не являются (и не предназначались быть) исчерпывающими. Однако они необходимы, чтобы мы могли прийти к выводу о деонтическом статусе типов действий в рассматриваемых нами трех проблемных сценариях, хотя и не эквивалентны определению того, почему у агентов может возникать непосредственная реакция, что перевести стрелку в *Вагонетке* и *Петле* дозволительно, тогда как толкнуть человека на рельсы в *Толстяке* — недозволительно. Для ответа на этот вопрос необходимо изучить, как люди обычно заполняют детали этих проблемных сценариев (и на каких морально значимых аспектах они сосредотачивают внимание), когда о них размышляют. Из чего можно сделать вывод, что в исследованиях по проблеме 'Вагонетки' предлагаются полезные и занимательные сценарии, позволяющие выявить интересующие нас интуиции. Тем не менее непростая работа по включению данных интуиций в теорию (и определению того, не следует ли нам подвергнуть эти интуиции пересмотру) еще даже не начиналась, так что необдуманное обесценивание теоретических принципов, в том числе (но и не только) Кантовского запрета, столь характерное для подобных исследований, кажется мне слишком опрометчивым.

Примечания

¹ Чтобы избавиться от предрассудков, связанных с избыточным весом, *Толстяка* иногда модифицируют, заменив его человеком на огромном кресле или с тяжелым рюкзаком.

² В ранних формулировках проблемы 'Вагонетки' вторым сценарием был не *Толстяк*, а сценарий *Трансплантации* [1, р. 205–206; 2, р. 1395]. Там шла речь о хирурге, который решает, дозволительно ли ему извлечь органы у одного здорового человека, чтобы спасти жизни пяти больных пациентов. Томсон все это называет проблемой 'Вагонетки', так как ее в первую очередь интересует объяснение интуиции о дозволительности переключения стрелки, но она предлагает тем, кто больше озабочен интуицией о недозволительности извлечения органов, называть такие сценарии проблемой 'Трансплантации' [2, р. 1401]. Впрочем, в обеих ранних публикациях Томсон сценарий *Толстяка* фигурирует как своеобразная виртуальная замена сценария *Трансплантации*. Я позволил себе фактически поменять их местами друг с другом, поскольку Томсон и сама делает так в своей более поздней публикации [3].

³ Томсон тем самым пытается дать ответ на размышления Фут. В исходном варианте *Вагонетки* последняя задавалась вопросом, может ли ее водитель перевести стрелку. Пример задумывался в качестве иллюстрации принципа 'убийство пятерых хуже, чем убийство одного'. Глобальной целью Фут было показать, что принцип 'убить всегда хуже, чем позволить умереть' (как частный случай более общего принципа 'негативные обязательства носят более строгий характер, чем позитивные') может справляться с большим объемом объяснительной работы, чем Доктрина Двойного Эффекта [4]. Смещая наше внимание с водителя вагонетки на случайного прохожего, — деонтический статус переключения стрелки в этом случае должен остаться без изменений, — Томсон использовала собственный вариант сценария *Вагонетки*, чтобы выявить проблемы, стоящие перед принципом Фут (в отличие

от сценария с водителем, здесь случайный прохожий убивал одного или позволял умереть пятерым). Правда, в своих поздних работах Томсон утверждает, что ее исходный аргумент был основан на ошибке: если водителю и дозволительно переключать стрелку, для случайного прохожего это недозволительно. Таким образом, она возвращается к принципу 'убить всегда хуже, чем позволить умереть' [3].

⁴ В статье Кан не использует рисунки, но из соображений наглядности они были включены в перевод. Рисунки 1 и 3 взяты из работы Томсон *The Trolley Problem* [2, с. 1402; прим. переводчика].

⁵ Во II разделе *Основоположений метафизики нравов* Кант пишет: «В царстве целей все имеет или цену, или *достоинство*. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как *эквивалентом*; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [6, с. 212; прим. переводчика].

⁶ Об этом, в частности, говорит Клейнфельд [7, р. 211].

⁷ Существует еще одна, дополнительная проблема для подхода Клейнфельда: подобно Томсон, она говорит об отношении к людям как простым средствам, но в разделе 1 данной статьи отмечалось, что ФЧ формулируется Кантом в терминах отношения к человечности в людях просто как к средству.

⁸ В цитате употреблена фраза 'act token', для перевода которой использован термин 'поступок' взамен более громоздкого буквального выражения 'токен действия' [прим. переводчика].

⁹ Действительно, действие может быть признано дозволительным, но только если агенту посчастливилось применить дозволительную максиму, и это будет делом случая: по причине отсутствия фиксированного набора максим для категории дозволительного не существует процедуры даже приближенного решения (semi-decision).

¹⁰ Проблема 'Вагонетки' сталкивается с похожими трудностями, когда речь заходит об утилитарной этике, по крайней мере, об утилитаризме действия. Согласно общепринятой трактовке различия между утилитаризмом действия и утилитаризмом правила, первый оценивает поступки, тогда как второй — типы действий. Вполне очевидно, что любой тип действия может быть реализован в бесконечно многих сценариях, поэтому опять же у нас нет никакой индуктивной схемы, которую можно было бы использовать для перехода от частного к общему, точно так же как нет никакой возможности оценить все это бесконечное множество поступков путем их простого перебора одного за другим. Поэтому лучшее, что можно сделать в рамках утилитаризма действия для определения деонтического статуса того или иного типа действия, это дать правдоподобные обобщения об обстоятельствах, в которых агент будет совершать поступки такого типа, а затем, на основе данных обобщений, дать дальнейшие обобщения о том, способствуют ли в целом такие поступки росту суммарной полезности или нет. Как и в случае с этикой Канта, никто до сих пор не сделал ничего подобного. (Если мы примем утверждение Лайонса, что утилитаризм действия и утилитаризм правила экстенционально эквивалентны, то окажемся перед лицом тех же самых затруднений в случае с утилитаризмом правила, поскольку для теории релевантности, которую мы обязаны принять, будет невозможно определить в каждой конкретной ситуации, правильный ли тип действия мы приписали нашему поступку [12].) Однако в этике Канта есть еще одна особенность, которой, я думаю, нет в утилитаризме. Этика Канта не оценивает максимы абстрактно; на самом деле нам неясно, может ли быть идея абстрактной максимы последовательной. Максима является субъективным принципом действия агента, репрезентацией закона, в соответствии с которым он собой управляет. Поэтому в итоге нам придется выяснять, действительно ли этот агент может обобщить свою максиму, и не перестанет ли он, действуя в соответствии с ней, относиться к кому-либо как к цели. Но в данной статье я не стану обращать внимание на такого рода осложнения.

¹¹ Хотя в подобном случае деонтический статус действия будет подвержен амфиболии: действие затрагивает других, тогда как его деонтический статус основывается на обязательствах по отношению к самому себе.

¹² Мой пример основан на аналогичном примере Клейн-гельд [8, с. 399–400].

Библиографический список

1. Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59, № 2. P. 204–217. DOI: 10.5840/monist197659224.
2. Thomson J. J. The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. 1985. Vol. 94, № 6. P. 1395–1415. DOI: 10.2307/796133.
3. Thomson J. J. Turning the Trolley // *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, № 4. P. 359–374. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2008.00144.x.
4. Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 232 p.
5. Friedman A. *Minimizing Harm*. Ph. D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy. 2002. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/8155> (дата обращения: 10.02.2024).
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов (1785). В 8 т. Т. 4. Пролегомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума / пер. с нем. Л. Д. Б.; ред. А. В. Гулыга. Москва: ЧОРО, 1994. С. 153–246. ISBN 5-8497-0004-8.
7. Kleingeld P. A Kantian Solution to the Trolley Problem // *Oxford Studies in Normative Ethics*. Vol. 10 / ed. by M. Timmons. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 204–228. DOI: 10.1093/oso/9780198867944.003.0010.
8. Kleingeld P. How to Use Someone 'Merely as a Means' // *Kantian Review*. 2020. Vol. 25, № 3. P. 389–414. DOI: 10.1017/S1369415420000229.
9. Pogge T. Parfit on What's Wrong // *The Harvard Review of Philosophy*. 2004. Vol. 12, № 1. P. 52–59. DOI: 10.5840/harvardreview20041216.
10. Nyholm S. Kant's Formula of Universal Law Revisited // *Metaphilosophy*. 2015. Vol. 46, № 2. P. 280–299. DOI: 10.1111/meta.12125.

11. Кант И. *Метафизика нравов* (1797). В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. *Метафизика нравов* / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканяна; ред. А. В. Гулыга. Москва: ЧОРО, 1994. С. 224–543. ISBN 5-8497-0006-4.

12. Lyons D. *Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 225 p.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Kahn S. Kant and the Trolley // *The Journal of Value Inquiry*. 2023. Vol. 57, № 3. P. 487–497. DOI: 10.1007/s10790-021-09838-6.

Ссылка на полный текст эссе: <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09838-6>.

Для цитирования

Кан С. Кант и вагонетка = Kahn S. Kant and the Trolley / пер. с англ. А. В. Нехаева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 2. С. 112–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024 г.

© С. Кан

KANT AND THE TROLLEY

The article explores the applicability of Kant's ethics, which prohibited the use of people as mere means, in solutions to various Trolley problem scenarios. Based on the distinction between notions 'using as mere means' and 'treating as mere means', the precise requirements of Kant's prohibition are reconstructed.

Keywords: Kant, trolley problem, deontology, Kant's prohibition, formula of humanity, categorical imperative.

References

1. Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59, no. 2. P. 204–217. DOI: 10.5840/monist197659224. (In Engl.).
2. Thomson J. J. The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. 1985. Vol. 94, no. 6. P. 1395–1415. DOI: 10.2307/796133. (In Engl.).
3. Thomson J. J. Turning the Trolley // *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, no. 4. P. 359–374. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2008.00144.x. (In Engl.).
4. Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 232 p. (In Engl.).
5. Friedman A. Minimizing Harm. Ph. D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy. 2002. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/8155> (accessed: 10.02.2024). (In Engl.).
6. Kant I. *Osnovopolozheniya metafiziki npravov (1785)*. V 8 t. T. 4. Prolegomeny. *Osnovopolozheniya metafiziki npravov. Metafizicheskiye nachala estestvoznaniya. Kritika prakticheskogo razuma [Fundamentals of the metaphysics of morals (1785)*. In 8 vols. Vol. 4. Prolegomena. Fundamentals of the metaphysics of morals. Metaphysical principles of natural science. Critique of Practical Reason] / trans. from Germ. L. D. B.; ed. by A. V. Gulyga. Moscow, 1994. P. 153–246. ISBN 5-8497-0004-8. (In Russ.).
7. Kleingeld P. A Kantian Solution to the Trolley Problem // *Oxford Studies in Normative Ethics*. Vol. 10 / ed. by M. Timmons. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 204–228. DOI: 10.1093/oso/9780198867944.003.0010. (In Engl.).
8. Kleingeld P. How to Use Someone 'Merely as a Means' // *Kantian Review*. 2020. Vol. 25, no. 3. P. 389–414. DOI: 10.1017/S1369415420000229. (In Engl.).
9. Pogge T. Parfit on What's Wrong // *The Harvard Review of Philosophy*. 2004. Vol. 12, no. 1. P. 52–59. DOI: 10.5840/harvardreview20041216. (In Engl.).
10. Nyholm S. Kant's Formula of Universal Law Revisited // *Metaphilosophy*. 2015. Vol. 46, no. 2. P. 280–299. DOI: 10.1111/meta.12125. (In Engl.).

11. Kant I. *Metafizika npravov (1797)*. V 8 t. T. 6. *Religiya v predelakh tol'ko razuma. Metafizika npravov [Metaphysics of Morals (1797)*. In 8 vols. Vol. 6. Religion within the limits of reason alone. Metaphysics of Morals] / trans. from Germ. S. Ya. Sheynman-Topshteyn, Ts. G. Arzakanyan; ed. by A. V. Gulyga. Moscow, 1994. P. 224–543. (In Russ.).
12. Lyons D. *Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 225 p. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Kahn S. Kant and the trolley / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 112–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119.

Received February 27, 2024.

© S. Kahn